

Сигизмунд
Кржижановский

ВОЗВРАЩЕНИЕ
МЮНХГАУЗЕНА
♦
ВОСПОМИНАНИЯ
О БУДУЩЕМ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 81

Составление, статья, комментарии
Вадима Перельмутера
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-26445-8

© В. Г. Перельмутер, составление,
статья, комментарии, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

СТРАНСТВУЮЩЕЕ
«СТРАННО»

Повесть

— На циферблате шесть. Ваш поезд в девять?

— В девять тридцать.

— Что ж, постранствуйте. Это так просто: упаковать вещи и перемещаться в пространстве. Вот если бы Пространство, упаковав звезды и земли, захотело путешествовать, то вряд ли бы из этого что-нибудь вышло. Путное, разумеется.

Мой собеседник, запахнув халат, подошел, топчя плоские цветы ковра, к подоконнику, и глаза его, щурясь из-под припухлых старческих век, с состраданием оглядели пространство, которому некуда было странствовать.

— Странно, — пробормотал я.

— Вот именно. Все железнодорожные путеводители и приводят в конце концов сюда: в с т р а н н о. Мало: странствия превратят вас самого, ваше «я», в некое «Странно»; от смены стран вы будете страннеть, хотите вы этого или не хотите; ваши глаза, покотившись по свету, не захотят вернуться назад в старые, удобные глазницы; стоит послушаться вокзальных свистков, и гармония сфер навсегда замолчит для вас; стоит растревожить кожу на подошвах ног, и она, раззудевшись, превратит вас в существо, которое никогда не возвращается.

Я смотрел на дуговидные морщинки, шевелившиеся вокруг рта старика, и думал: этот раз, вероятно, последний. Когда вернусь, скоро ли это будет, придется искать его не здесь — на кладбище. А там уж какие разговоры. И я решил форсировать тему.

— Учитель, — спросил я, отыскав зрачками его острые, даже чуть колющие зрачки, — правда ли все то, что говорят о ваших путешествиях? Мне мало простых железнодорожных указате-

лей. Мне бы хотелось увезти с собой хотя бы несколько ваших указующих слов. Мой опыт беден и тускл. Вы же... помогите мне, учитель, — хотя бы маршрутами. Или воспоминаниями: поверьте, то странно, в которое превратят меня странствия, как вы сказали, сохранит все ваши слова, не сдвинув в них ни единой буквы.

— Видите ли, — начал старый маг, усаживаясь в истертое кожаное кресло, — с тех пор как я служу в Кооперотопе, я забросил и самую мысль о путешествиях: пусть Земля ерзает по своей орбите, как ей угодно, — с меня довольно. Вероятно, и счетная костяшка, которую вечно гоняют по стержню, считает себя заправской путешественницей. Но неусидчивость не выводит ее, как известно, за квадрат счетной рамы. Так. Но в юности, разумеется, думалось по-иному: тогда я откликнулся на зовы пространства, хотел дойти до куда всех дорог, наступить подошвой на все тайны, обогнать знаки и черточки, облепившие глобус, и ощупать своими собственными глазами всю шершавую кожу планеты.

— Представляю себе. И мне бы хотелось, учитель, получить от вас схему одного из ваших самых длительных и трудных путешествий: такого, которое бы брало землю тысячеверстными кусками, которое бы...

— Боюсь, что первые же мои слова разочаруют вас, мой юный друг: самое длительное и самое трудное мое путешествие передвинуло меня в пространстве всего лишь на семьдесят футов. Виноват, семьдесят один с половиной.

— Вы шутите?

— Нисколько. И мне кажется, что можно менять страны на страны, не прибегая даже к этим, на пальцах отсчитанным футам: последние четыре года, мой друг, я, как вы знаете, не многим подвижнее трупа. Моя оконная рама не сдвинулась никуда ни на дюйм. Но та страна, людей и дела которой я не без любопытства наблюдаю, уже не та страна; и мне не нужно было, как вы это хорошо знаете, хлопотать о билетах и визах для того, чтобы превратиться в чужестранца и переехать из Санкт-Петербурга в Ленинград.

Я улыбнулся.

— Пожалуй. Но все же я повторяю свою просьбу: если не вы, то пусть хоть ваша память проявит активность. Рассказ о путе-

шествии с маршрутом в семьдесят футов, думаю, не отнимет много времени.

— Не скажите. Хотя, если мне только удастся разминуться с деталями, может быть, я и успею. Который сейчас?

— Шесть тридцать.

— Так. Может быть, у вас есть еще какие-нибудь дела?

— Нет, учитель. До девяти я могу слушать.

— Хорошо. Тогда садитесь. Нет, не сюда: в кресло. Так. Начну.

I

— Сейчас, когда вся моя эзотерическая библиотека давно уже выменена на муку и картофель, я не могу, с книгой в руках, показать вам те сложные формулы и максимы, которые путешествовали нами, магами, в годы наших ученических странствий. Но суть в следующем: самое имя *Magus* от потерявшего букву слова «*magnus*» — большой. Мы люди, почувствовавшие всю тесноту жилпланетных площадей, захотевшие здесь, в малом мире, мира большего. Но в большее — лишь один путь: через меньшее; возвеличение — сквозь умаление. Гулливер, начавший странствия с Лилипутии, принужден был закончить его в Стране Великанов. Правила нашего магического стажжа — поскольку они хотят сделать нас большими среди меньших, великанами среди лилипутов, — естественно, стягивают линии наших учебных маршрутов, вводя нас в магизм, то есть в возвеличение, лишь путем трудной и длительной техники умаления.

Рельсы, ожидающие вас, мне всегда напоминали длинящий в бесконечность свои параллели знак равенства.

Говоривший сделал двукратный жест.

— Но есть и другой знак. Вот: < (скользнув глазами за ладонью, вклинившей в воздух острие угла, я молча кивнул головой и продолжал слушать). Я хорошо помню то сквозистое июньское утро, когда мой учитель, это было уже сорок с лишком лет тому назад, призвав меня к себе, начертил именно этот простой, из двух карандашных линий знак и, перенеся свой указательный палец, прижатый к бумаге влево от знака, на правую его сторону, сказал:

— Вам пора: отсюда — туда.

Я смотрел на линию своего маршрута и молчал.

— Вам, юным, — добавил наставник, — подавай семимильные сапоги. Но терпение: раньше чем позволить шагу из аршинного стать семимильными, надо научить его микромикронности.

Я продолжал молчать. Тогда наставник, отщелкнув двумя поворотами ключа крышку костяной шкатулки, стоявшей у него на столе, показал мне три тщательно обернутых в вату стеклянных пузырька. Под притертыми пробками их внутри вспучившегося стекла мутно мерцали жидкости: желтая, синяя и красная.

— Вот эта тинктура, — перед глазами у меня, вымотавшись из ваты, просверкал рдянюю третий пузырек, — эта тинктура обладает поразительной силой стяжения. Содержимого стекляшки хватило бы на то, чтобы тело слона стянуть в комок меньше мушьего тела. И если б это драгоценное вещество добыть в таком количестве, чтобы обрызгать им всю Землю, нашу планету легко можно было бы сунуть в одну из тех сеток, в которых дети носят свои крашенные мячи. Но мы с вами начнем с другого флакона.

С этими словами наставник передал мне желтую тинктуру. Только теперь я увидел: поверх билетика, наклепленного на стекло, чернели еле различимые бисеринки букв.

— Способ употребления, — пояснил мне мастер, — послушайтесь этих букв, и вы сами станете в рост им. Сегодня же, до заката, тинктура должна сделать свое дело. Счастливого пути.

Взволнованный, колеблясь меж нетерпением и страхом, я вышел на улицу. Желтые солнечные пятна, ползающие по раскаленной полднем панели, не давали мне забыть о десятке желтых капелек, запрятанных в моем жилетном кармане и ждущих внутри своей стеклянной скорлупы близящегося с каждым моим шагом срока. Я шел будто на спутанных ногах: воображение начало действовать раньше тинктуры; мне казалось — самые шаги мои то странно укорачиваются, то неестественно длиннятся. Сердце под ребрами ворошилось, как испуганная птица в гнезде. Помню, я присел на одну из уличных скамей и позволил своим зрачкам кружить, как им вздумается. Я прощался с пространством: с привычным, в лазурь и зелень раскрашенным, моим пространством. Я смотрел на сотни шагающих мимо ног: размеренно, подымая и опуская ступни, сгибая и разгибая колени, движением, напоминающим стальной аршин, уверенно шагающий, под толчками пальцев приказчика, вдоль мерно разматываемой штуки материи, — они разматывали и мерили свое,

привычное пространство, которое видишь и с закрытыми глазами, которое несешь в себе, обжитое и исхоженное, почти застегнутое вместе с телом, под пуговицы твоего пальто, в тебя. Я вслушивался в трение одежд о тело, вглядывался в акварельные пятнышки облачной ряби, тонко выписанной по синему фону, ловил каждый звук и призыв, ввившийся в мои ушные завитки, цеплялся глазом за каждый блик и отсвет, запутавшийся в моих ресницах. Я прощался с пространством. Мимо глаз, раскачиваясь в сетке, прополз чей-то пестрый мяч. Я поднялся и пошел дальше. Где-то на перекрестке мне сунули в руки газету. Я развернул ее еще влажные листы и, скользнув по столбцам, тотчас же заметил крохотные буквы петита, сотнями беззащитных черных телец согнанные в строки. Тотчас же ассоциация дернулась у меня в мозгу, и, скомкав газету, я быстро сунул руку в карман и нащупал там холодный дутьш пузырька. Стоило швырнуть его на камень, наступить подошвой — и... но я этого не сделал. Нет, именно в этот момент нетерпение заслонило страх, и я быстро зашагал к себе, мимо шумов и бликов, будто выдергиваясь из пространства, и единственное, что я видел тогда с почти галлюцинаторной ясностью, — это бледный и длинный палец учителя, который, переступив по ту сторону ломаной черты, за знак неравенства, звал меня: туда.

Вскоре, впрочем, припадок возбуждения утих. На предпоследний этаж дома, в котором снимал я комнату, я подымался с чувством твердой, но холодной решимости. В полутьме подъезда на одном из поворотов узкой лестницы мне пришлось обменяться кивками с моими соседями, жившими надо мной: встречи наши, довольно редкие, всегда происходили здесь, в полумраке лестницы, и потому нам никогда не удавалось друг друга рассмотреть. Я знал только, что астматически дышащий ворох из пледов, кашне и пелерин поверх пелерин, тычущий палкой в ступеньки и мучительно шаркающий подошвами о камень, — это заслуженный профессор и чуть ли не академик, возящийся с какими-то ретортами и пипетками, с матрикулами студентов, а также и с женой, которая и в эту встречу, как во все иные, прошуршав мимо меня шелками юбок и наполнив полутьму запахом «Шипра» и терпкой тревогой, — став у верхней площадки, терпеливо ждала спотыкающуюся десятью ступеньками ниже палку.

Я открыл свою дверь и, войдя в комнату, повернул ключ в замке слева направо. Потом, выдернув его из замочной скважины, спрятал в одном из ящиков письменного стола. Солнце было на излете. Вынув часы, я положил их перед собой: шесть тридцать. Теперь пузырек: лупа, растянув черные значки поверх пузырька, быстро и точно раскрыла их смысл. Стиснув стекло меж пальцев, я осторожно повернул ему пробку: о, как не похож был этот колющий ноздри, прогорклый запах на благоухание, оставшееся там, за защелком ключа, над ступеньками лестницы. На миг мне показалось, будто астма старого профессора переползла в мои легкие: мне стало трудно дышать. Подойдя к окну, я толкнул его створами наружу. Тем временем минутная стрелка успела уже сделать дугу в сто восемьдесят градусов. Надо было решаться: я поднес пузырек к губам — через мгновение он был пуст. После этого я еле-еле успел, выполняя волю букв на этикетке, запрятать пустой пузырек в заранее намеченное мною укромное место: у пола, меж стеной и обоями. Тело мое, уже в ту секунду, когда я запихивал стекло в обойную щель, стало вдруг стягиваться и плющиться, как прорванный воздушный пузырек: стены бросились прочь от меня, рыжие половицы под ногами, нелепо разрастаясь, поползли к внезапно раздвинувшемуся горизонту, потолок прынул кверху, а плоский, желто-красный обойный цветок, который я за секунду перед тем, взяв с пузырьком, отогнул, прикрывая пальцами руки, вдруг, неестественно ширясь желто-красными разводами, пополз, забирая рост, пестрой кляксой вверх и вверх. Мучительное ощущение заставило меня на минуту зажать веки: когда я раскрыл их, то увидел себя стоящим у входа в довольно широкий стеклянный туннель с неправильно изогнутыми круглыми прозрачными стенами. Прошло несколько времени, пока я понял: это пузырек, очевидно оброненный моим нечаянным движением в то последнее мгновение, когда я, сейчас лишь жалкое, в пылиночный рост, существо, мог еще его обронить.

На одном из прозрачных выгибов туннеля я увидел огромные черные знаки: в тот же миг я вспомнил их смысл, и сердце радостно заколотилось во мне. Ведь в надписи на пузырьке ясно говорилось о способе возврата в прежнее тело и в прежнее пространство: стоило лишь отыскать на внутренней плоскости доньшка пузырька-туннеля врезанный в стекло магический знак

и прикоснуться к нему — и немедленно должно произойти обратное превращение.

Слома голову я бросился внутрь стеклянного раструба: звон моих шагов бился о круглые стены. Я добежал до прямой стеклянной стены... «А вдруг, — всполохнулось во мне, — пузырек упал знаком кверху. По скользкой и гладкой стене мне никак не добраться до спасения. И я погибну на расстоянии дюйма от знака: дюйм преградит мне путь назад в тысячeverстия Земли».

Но, по счастью, знак оказался у нижнего края стены. Я быстро отыскал глазами знакомое им сцепление двух линий математического знака неравенства. Упав острым науглием книзу, знак расправлял свои врезавшиеся в стекло линии, как птица расправляет крылья, занесенные для полета. «Свобода», — прошептал я, протягивая руку к знаку. «Страх», — услышал я в себе полусекундой позже. Я не повторил этого слова, но оно звучало громче, чем то, первое. Да, мое назад было близко, на расстоянии протянутой руки, но я, отвернувшись от него, медленно ступая по гулкому стеклу, направился в неизвестное вперед. И прежде, и теперь я всегда предпочитал и предпочитаю загадку разгадке, заданное — данному, дальний конец алфавита с иксом и зетой — элементарным абцедам и абвегам: и в данном случае я не изменил своему обыкновению.

Минуты слишком быстро ползут по циферблату, мой друг, чтобы я мог позволить себе дробное и кропотливое, день за днем, описание моих странствий, начатых с зарею следующего дня. Вспомнив, что от пола к подоконнику моей комнаты прощелилась, как я это когда-то заметил во время уборки, глубоким, всползающим по стене зигзагом щель, — я решил использовать ее для подъема на плато подоконника. Мне пришлось затратить довольно много часов, пока я не отыскал ее нижнего ущелистого края и не начал своего двухдневного подъема кверху. Впоследствии, когда я с группой альпинистов брал Кляузеновский перевал, они дивились моей тренированности и выносливости; объяснять им, что этим я обязан стенной щели длиной в три фута, я, конечно, не стал. Так или иначе, намучившись на кривых изломах и срывах своего почти отвесного пути, я наконец к утру третьего дня достиг подоконничного края. Ступив на его плоскую поверхность, покрытую геологическими пластами растрескавшейся белой краски (эти трещинки, которые еще неделю

тому назад я слабо ощущал, скользя ладонью по подоконнику, сейчас учили меня рекордным прыжкам), я чувствовал себя горцем, рассматривающим, стоя меж глыб горного перевала, провалы далей, втягивающих в себя глаз. Створы окна, оставленные прежним «мною» открытыми, давали доступ воздуху, а следовательно, и ветру. Мне очень трудно было бороться с его воздушными ударами: цепляясь за выступы облупившихся пластов краски, прячась за их приподнятыми краями, я прилагал все усилия, чтобы не быть свеянным вместе с уличной пылью, осевшей на подоконник, прочь с его поверхности. Позади был срыв к желтевшему где-то снизу полу моей комнаты, впереди — отвесная кирпичная стена, падающая в бесконечно-глубокий провал улицы. Продолжать прятаться по щелям меж краской и деревом на унылой и плоской белой равнине подоконника было бессмысленно и скучно. Надо было решаться: и я решился.

Цепляясь зеленой лапой за наружный край подоконника, кверху по кирпичному русту полз плющ. Подъем по этой зеленой витой лестнице был, конечно, опасен, но я, пользуясь наступившим внезапным безветрием, хватаясь за ворсинчатые торчки живой лестницы, стал смело взбираться кверху. От времени до времени я отдыхал внутри липких складчатых листьев плюща. Но после нескольких дней подъема я заметил, что зеленые площадки моей лестницы все уже и меньше и что самая спираль ее, сделав еще несколько оборотов, обрывается в пустоту. Подсчитав пройденные кирпичные рубцы, я понял, что нахожусь на полпути меж двух подоконников, в трех футах от квартиры старого профессора.

«Дело не так плохо, — сказал я себе, раскачиваясь в изумрудном гамаке, подвешенном на упругом тяжё к стеблю, — надо лишь запастись терпением и положиться на силу роста, скрытую в плюще, — и моя лестница сама подымет меня кверху».

Так для меня настали дни бездейственного ожидания: днем солнце, озеленив лучи, пробиралось ко мне сквозь нервюры ткани внутрь листа; по ночам, пододвинувшись к рубчатому краю своего обиталища, я мог любоваться россыпью желтых и синих звезд, заживавшихся где-то внизу, подо мной. Вначале это перемещение звездного неба несколько озадачило меня, но после я понял: тинктура, стянув в пылинку мое саженное тело, укоротила и радиус моего видения: глаза не могли уже дотянуться до

Сириуса и Полярной звезды, но обыкновенные уличные фонари заменяли им, как умели, созвездия.

Часто я старался представить себе то, что ждет меня там, за окном старого профессора и его юной жены. В то время я был так же молод, как и вы, мой друг. И конечно, не только жизненная сила, скрытая в спиралях плюща, но и иная, таимая во мне, тянули меня вверх к подоконнику юной профессорши. Иногда в бессонные ночи к горьковатому запаху растительных смол примешивался, как мне мнилось, знакомый, легкий, но дразнящий «Шипр». И пока плющ, расправляя свои зеленые мышцы, полз на хватких лапах, усиками кверху, мое воображение, обгоняя его, давно уже было там, за окном.

Но когда три фута, спираль за спиралью, были взяты и я наконец, сделав рискованный прыжок, вскарабкался на край подоконника, о котором так долго мечтал, меня ждал неожиданный удар: стекло и рама окна, тщательно замазанные и оклеенные, преграждали путь. Я забыл в своем юношеском оптимизме о том, что дряхлый профессор даже и в июльские жары ходил под полудюжиной пледов и что окна в его квартире почти никогда не открывались.

Раздосадованный и злой, целый день бродил я вдоль тщательно замазанной щели: нигде — ни прохода, ни даже лазейки.

Мне оставалось или спуститься по извивам плюща назад, или с неиссякающим терпением дожидаться своего вперед. И на этот раз я выбрал последнее.

Тем временем июль — я вел аккуратный счет дням, — поначалу довольно прохладный и влажный, становился все суше и жарче. Мучаясь под раскаленным стеклом окна от нарастающего зноя, я вместе с тем радовался ему и молил небо о еще большей жаре: ведь только тропическая температура могла разжать стеклянные створы, преграждавшие мне доступ внутрь.

Томительные дни тянулись друг за другом, разделенные короткими черными прокладками ночи, тоже душной и знойной, — я уже было начал отчаиваться, когда вдруг, как-то поутру, стекло и рама затряслись от ударов изнутри. Колоссальные глыбы замазки падали сверху. Я еле успел юркнуть в узкую пещеру, рытую червем-древоточцем, как что-то грохочущей тенью, сыпля сверху скалы и лапилли, пронеслось надо мной. Выбравшись наружу, я увидел: путь был свободен.

Вначале у меня было чувство человека, забравшегося по веревочной лестнице в дом своей желанной. Вероятно, это романтическое чувство и заставило меня дожидаться ночи: я медленно, шаг за шагом, вздрагивая и припадая к земле при каждом шуме, продвигался к внутреннему краю подоконника. Мне все еще трудно было привыкнуть к своей невидимости, и казалось, что все мои движения заметны обитателям комнаты.

Когда к вечеру я, свесив ноги внутрь одной из подоконничных щелей, сидел, грезя о своем завтра, — вдруг меня ударило сильным током воздуха и прикрыло сверху гигантской, весь горизонт застлавшей тенью. Вскочив, я поднял глаза кверху и увидел две рушащихся на меня своими вершинами горы. В ужасе я сжал веки, приготовившись к смерти, но близкий и острый запах «Шипра» заставил веки разжаться снова. Да, это была она: два огромных, таких знакомых мысли и глазу знака неравенства, одетых не в карандашный графит и не в стекло, но в гигантскую массу обнаженного тела, уперлись, вправо и влево от меня, своими остриями в подоконник: это были руки жены профессора.

С минуту я, забыв опасность и риск, двигался навстречу дурманящему и влажному живому жару, пышущему мне навстречу.

— Какая теплая ночь, — прозвенело надо мною.

— Да. А все-таки, душенька, окно лучше бы закрыть, — прошелестело что-то, голосом комкаемой бумаги, из глубины комнаты.

— Но ведь воздух так чист: ни пылинки. И я не вижу ничего, чтобы...

— Мало ли, что ты не видишь, душенька, — закомкалась снова бумага, — пролезет что-нибудь этакое, ну, невидимое, баццлла какая-нибудь или, ну, черт ли его знает что. Ты его не видишь, а оно в тебя втирушей этакой в альвеолы, в кровь — и возись потом...

Окно с грохотом закрылось, отрезая мне обратный путь. Но я уже успел добежать до торчащих мне навстречу ворсин платья юной женщины: обхватив одну из ворсин руками и коленями, я с бьющимся сердцем ждал событий.

— И-и, душенька, брось дуться. Вот принеси-ка мне лучше карты: нет, не там, на этажерке. Левее, левее. Ну-ну, поглядим: ведь вот проклятый пасьянс, никогда не выходит. Хоть ты что: ни так, ни этак. Ну вот, опять этот червонный король все напутал.

— Не выходит, так и бросил бы...

— Нет-нет, постой-погоди, я загадал: говорят, если выйдет, то надо карты под подушку, и все сбуд... гкх... гкх, черт, опять этот червонный дурак выгасовался.

Тем временем я, описав гигантские зигзаги по комнате, был внезапно почти придавлен к краю стола. Лишь ловкий кульбит спас меня от гибели, но все же сила толчка была так велика, что тело мое, сорвавшись с ворсины, за которую оно крепко держалось, больно ударилось о доску стола. Не теряя самообладания, я приподнялся на локте с желтой клеенки стола и увидел: целые стаи огромных бумажных прямоугольников, взлетев с шуршащим птичьим шумом, тотчас же мягко опали своими черными и красными знаками книзу. Я понял происшедшее: женщина смешала карты.

Это могло бы осложнить разговор, но в это время в глубине комнаты, почти из-за пределов моего видения, прозвучал третий голос:

— Барин, а барин, тут к вам с матрикулом. Который в шестой уже раз. Что им сказать: дома вы или нету?

Я слышал, как где-то внизу шумно зашаркали туфли. Вслед им четко и дробно застучали «каблучки», как подумал я, все еще не умея выключить свое мышление из старых схем.

Оставшись, как я полагал, один — я направился к хаотической куче игральных карт, расшвырянных по столу. Новый, пока еще смутный план начинал возникать в моей голове. Сперва я прошел поперек дамы трэф и высунувшегося из-под нее алого ромба бубновой двойки. Что-то черное поползло мне под подошвы: выйдя из задумчивости, я увидел перед собой две довольно длинных аллеи, протянувшиеся вдаль: деревьев, собственно, не было, но неподвижные черные тени каких-то странно широких у земли и причудливо тонких у комля растений легли вдоль снежно-белой поверхности прямоугольного сада. Я было сделал несколько шагов вдоль одной из черных аллей, но тут только заметил, что путь мне дважды пресечен такими же тенями таких же деревьев, невидимо растущих посередине аллей. Я понял: это была десятка пик. Конечно, ее черные пятна бессильны были перегородить мне дорогу, но какое-то странное чувство заставило меня, сойдя с аллей, ворожащих смерть, обойти ее прямоугольный сад стороной, по обочине.

Тут впервые недоброе предчувствие вонзилось десятью черными остриями в меня. Не глядя по сторонам, медленно продолжал я шагать с карты на карту.

Вдруг:

— Эй вы, послушайте: вы наступили мне на сердце. Или вы полагаете, что это щетка для вытирания подошв? Отойдите.

Я повел глазами навстречу голосу и тут только увидел, что у меня под ногами, у закругленного края карты, на которую я только что в рассеянии ступил, дергается красное плоское сердце, странно сплюснвшееся под налетом бумажного глянца. С трудом удерживая равновесие, я добалансировал до края сердца и выпрыгнул на белую поверхность карты: теперь я ясно различал округло очерченные красные губы короля червей, которые, ероша рыжую щетину длинной бороды, недовольно и брезгливо шевелились.

— Кто вы, пришелец, вшагнувший в меня? — услышал я.

— Умаленный человек, — отвечал я.

— Нет умаления горче моего, — проговорили бумажные губы, — и как бы ни была печальна история, принесенная вами, история, которую вы унесете отсюда, будет еще печальнее. Приблизьтесь и слушайте.

Я, выбрав себе место на оконечине золотого плоского скипетра короля червей, уселся поудобнее и, протянув усталые ноги, подставил свои ушные раковины под рассказ.

— Теперь моему царству, — зашевелились снова бумажные губы, — и вот в этой картонной коробке для карт — просторно. И царство, и власть мои давно источены червями: наш масляный род стал глупой мастью, и я, который некогда со своими министрами и грывал в людей, я, превращенный в обыкновеннейшую карту, должен позволять им, людям, играть в нас, в карты. О странник, можешь ли ты понять мир, в котором мили превратились в миллиметры, в дворцах и хижинах которого полы и потолки срослись в одну сплошную плоскость.

— Могу. Продолжайте.

— Мой род — отец, дед, прадед, прапрадед и я — столетиями сидели на нашем троне, окруженные трепещущими и благоговейными подданными. Земля была слишком грязна для касания наших пят. Колеса, седла, носилки, лектики, спины камер-лакеев сделали для нас ноги излишними, а придворные козни и тай-

ные заговоры создавали положение, когда иметь всего лишь одну голову оказывалось недостаточным. Вы понимаете, — ладонь говорившего, не покидая плоскости, опустилась сверху вниз: я кивнул головой. — Результатом приспособления нашей династии, говоря в терминах дарвинизма, к среде является хотя бы то, что у меня, как видите, две головы плюс нуль ног. Но не это было причиной гибели моей и царства. Дело в том, что в каждой моей груди билось по два сердца: большое и малое. Вот они. — Я, не прерывая рассказа, скользнул глазом по глянцу карты и подтверждающе наклонил голову. — Мое большое сердце любило маленькую женщину; мое маленькое сердце любило великий народ. И обоим им, большому и малому, было тесно под моей королевской мантией. Они бились друг о друга, мешая друг другу биться. Это беспокоило и мучило меня. Случилось так, что, проездом через Королевство Червей, при дворе моем гостил ученый хирург из Страны Пик. Однажды я, решившись покончить с своим двусердием, призвал хирурга. Он выслушал меня и мои бьющиеся друг о друга сердца и нахмурился.

— Пиковый интерес, — пробормотал он, прибавив к этому дюжину латинских слов.

— Но нельзя ли оперировать лишнее сердце?

— Которое из них вы, ваше величество, считаете лишним?

Три дня и три бессонные ночи промучился я над словом которое. Но, увы, народ, который я любил моим малым сердцем, был где-то там, далеко, за стенами дворца, а женщина, которой я отдал свое большое сердце, была тут, возле, у самых распорившихся сердец, и сумела защитить от ножа то из них, в котором жила она.

На четвертый день я призвал к себе хирурга.

— Пустите в дело ваши инструменты, — приказал я. — Малое в большом я предпочитаю большому в малом.

— Но, ваше величество, учтены ли вами те последствия?..

— Последствия, которые грозят вам в случае послушания приказу короля, издревле учтены нашими законами. Повинуйтесь, или...

Он вынул свои черные острия, и вскоре я лежал вот на этом столе, ожидая прикосновения скальпеля. Искусной транссекцией он отделил мое малое сердце, бившееся навстречу народу, и положил его к краю операционного стола, вот сюда — где вы

его видите и сейчас. Острая боль, полоснув меня по мозгу, оборвала сознание. Когда оно вернулось, я увидел вокруг себя испуганные лица и спину черного доктора, склонившегося над своими закровавившимися черными лезвиями. Обеспокоенный их беспокойством, я попробовал приподнять голову с плоскости операционной доски кверху: мне это почему-то не удавалось. Сиделки, заметившие мою попытку, тотчас же, льстиво и испуганно улыбаясь, стали вперебой просить меня не приподниматься: «Для вас это сейчас невозможно, ваше величество, поостерегитесь, ваше величество».

Им долго, пользуясь моей слабостью, удавалось скрывать от меня истину. Но когда я, почувствовав себя несколько крепче, решился, вопреки уговорам и мольбам, покинуть плоскость операционного стола, мне, после сотни отчаянных попыток, открылась страшная истина: отныне мне никогда не подняться кверху от операционной доски, потому что самое кверху оказалось ампутированным вместе с сердцем: правда, моя застарелая запущенная «любовь к народу» окончательно отвязалась от меня... но все-таки, знаете... лучше бы уж...

Тщетно после этого министры пробовали мне помочь: острая плоскостность перешла в хроническую. Напрасно хирург, в операционную к которому каждый день сваливали шесть-семь из числа моих подданных, вырезая сердце за сердцем, пробовал привить их мне, — ничего не выходило: в результате лишь белые поверхности столов покрывались кровавыми шестерками, семерками, девятками. В конце концов, когда почти весь народ был вырезан, вивисектор тайно бежал и всю эту возню с отрехмериванием плоского пришлось бросить.

Так угасло некогда сильное Королевство Червей, а моя слава и власть оттлели и стали снедью червей. Но и тут, в изгнании и умалении, где пышность прежних королевских выходов заменилась простым участием в пасьянсах какого-то профессорствующего дурака (правда — благодаря мне — они у него никогда не выходят), — надежда не покидает меня, о путник. Тут, в плоской коробке для игральные карт, затасованный в трепаную колоду, жду я интервенции. Ведь остались еще монархии на земле. И не могут же они потерпеть, чтобы...

— Ваше величество, — отвечал я, — увы, черви времени не менее искусны, чем ваш черный хирург, и короли, еще королев-

ствующие за пределами вашего бумажного царства, от дня к дню делаются все более и более плоскими, как и вы. Говорят, недалеко то время, когда королям из европейской колоды, привыкшим к забавной «игре в люди», придется превратиться из тех, которые играют, в тех, которыми играют. Я не язычник, но верю в Немезиду.

Наступило тягостное молчание. Поняв, что случай делает легко осуществимым тот план, который понемногу, еще до встречи с королем, стал отчетливаться в моей голове, я, подойдя к самому уху плоского монарха, зашептал с конфиденциальностью заговорщика:

— Во всяком случае, ваше величество, я обещаю огласить ваши мемуары в печати. Сейчас это единственный способ, доступный нам с вами, чтобы довести ваши слова до слуха тех, которыми вы хотите быть услышаны.

— Выражаем вам свое благоволение. Просите о чем хотите.

— Мне бы хотелось, ваше величество, чтобы прерванный пасьянс удался.

Золотая корона качнулась в знак согласия. Спрятавшись внутрь расщепленного угла одной из карт, я стал ждать дальнейшего. Вскоре раздались шаги возвращающегося профессора. Огромные руки его забегали по картам: я то взмывал на своей бумажной плоскости, как на планере, в воздух, то скользил вместе с нею книзу. Меня обдавало запахом терпентина и табачной гари и трясло меж дрожащих пальцев старика.

Вдруг:

— Ага, а вот и вышло. Душенька, поди посмотри: вышло. А что я загадал, то загадал: гкх-гкх. Ну, теперь карты под подушку — и все сбудется. Ыгкх-ыгкх.

Именно на этом и был построен весь мой расчет: проникнуть к ней на ложе. Когда минуту спустя я, запертый вместе с королем червей внутри тесной и темной коробки, очутился меж матрацем и подушкой, что-то вроде стыда и сожаления забрезжило во мне: история о двух сердцах короля и ее плачевный конец звучали для меня почти угрозой. Мне вспоминалось строгое лицо наставника, беседовавшего всего лишь с моим «большим сердцем», и я ясно понимал, что сюда, под чужую подушку, я приведен другим, маленьким, похотливо трущимся о ребра сердчишкой. Предчувствие говорило мне: лишь великое сможет

Кржижановский С.

К 81 Возвращение Мюнхгаузена. Воспоминания о будущем : повести, рассказы / Сигизмунд Кржижановский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26445-8

Творческое наследие Сигизмунда Кржижановского (1887–1950), замечательного писателя, драматурга, философа, историка и теоретика театра, еще до недавнего времени оставалось неизвестным широкому читателю. Он жил в Москве, преподавал в студии Камерного театра, служил в издательстве «Советская энциклопедия», писал научные статьи, сценарии рекламных роликов, а также оперные либретто и киносценарии (правда, в титрах его фамилию не указывали), переводил, даже был принят в Союз писателей, но его художественная проза практически не публиковалась. «Прозеванным гением» назвал Кржижановского поэт Георгий Шенгели.

Ситуация изменилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов: вдова писателя сохранила его архив, и его произведения наконец вышли в свет. В них причудливо соединились советская действительность — и фантастика, гротеск, сатира — и парадоксальность. Проза Кржижановского интеллектуальна и во многом экспериментальна, она завораживает стилистическим мастерством и нетривиальностью сюжетных ходов. Некогда обвиненный Горьким в «праздномыслии» и «празднословии», сегодня Кржижановский — признанный классик отечественной литературы XX века.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

СИГИЗМУНД ДОМИНИКОВИЧ КРЖИЖАНОВСКИЙ
ВОЗВРАЩЕНИЕ МЮНХГАУЗЕНА
•
ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.08.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-35429-01-R